

Глава 17. Идём убивать

Сян Син причитал над пропастью целые сутки.

Лишь когда Фу Линцзюнь, немного восстановив духовную силу, поднялся снизу, неся на руках спящего зверька, тот наконец перестал выть.

— Хозяин... Сяо Бай... — он вскочил с земли и, продолжая всхлипывать, бросился к ним. — Живы... хозяин... Сяо Бай... живы...

От волнения он даже снова протянул меч Шифо, но, увидев, что хозяин держит Сяо Бая и свободной руки у него нет, тут же молча прижал меч обратно к себе.

— Всё в порядке, — понимая, что пробыл внизу слишком долго, Фу Линцзюнь решил хоть немного успокоить здоровяка. — Я цел.

Сян Син яростно замотал головой:

— Хозяин... не цел.

Он чувствовал, насколько сильно истощилась духовная сила хозяина. Если прежде внутри того была целая безбрежная стихия, то теперь там будто осталась пересохшая пустыня. На ногах его держала лишь пустая оболочка.

Когда исчерпываешь духовную силу до дна, в ход уже идёт срок жизни. Сян Син не понимал, что именно сделал хозяин, чтобы так подорвать себя, но отлично чувствовал густой запах крови на нём. Так пахнет только тот, кто потерял очень много крови.

А раны у хозяина всегда заживали долго. От этого Сян Сину было очень больно на душе.

Фу Линцзюнь поднял руку и посмотрел на рану на ладони, всю в следах слюны Цзян Тана. По идее, кровь из неё должна была течь ещё очень долго. Но теперь она вдруг остановилась.

Более того, рана даже будто начала понемногу затягиваться.

Он вспомнил, как пушистый комочек упорно пытался лизнуть его ладонь, вспомнил странные способности благого зверя из преданий — и сердце его снова стало мягким.

Оказывается, зверёк беспокоился о нём.

Фу Линцзюнь коснулся пальцами пушистого уха спящего зверька и показал ладонь Сян Сину:

— Я в порядке.

Он был очень не в порядке. Душа гудела, голова раскалывалась.

Но он был и очень даже в порядке. Потому что радость в нём цвела, как весенний сад.

— Хозяин... срок жизни... пострадал, — Сян Син видел, что рана на ладони больше не кровит, но от этого ему всё равно не становилось легче.

Фу Линцзюнь не хотел с ним обсуждать такие вещи и потому просто вытащил комочек из-за пазухи, перевернув его на спину.

Громадина, похожая на маленькую гору, увидела белого зверька, всего в крови и без сознания, — и тут же окончательно развалилась морально. Завыла ещё громче:

— Сяо Бай... умер! Сяо Бай... умер...

Фу Линцзюнь только вздохнул с облегчением. Ему не нравилось, когда Сян Син продолжал расспрашивать его о состоянии. Перевести внимание на зверька было даже удобно.

— Не умер.

Сян Син не поверил. Обычно Сяо Бай был очень живым. Даже во сне у него то лапы дёрнутся, то рот причмокнет, то уши или хвост шевельнутся. А сейчас он лежал тихо-тихо, как мёртвая собака.

— Хозяин... Сяо Бай... не должен... не должен... — впервые за всё время он, забыв всякую субординацию, вцепился в рукав Фу Линцзюня и заревел так, будто ещё немного — и сам лишится чувств.

— Он не умрёт, — у Фу Линцзюня трещала голова, но всё же он повторил ещё раз. — Ему просто нужно отдохнуть.

Плачущая гора мгновенно перестала плакать.

Он переводил взгляд с хозяина на Сяо Бая и обратно. Если присмотреться, то, похоже, вся кровь действительно принадлежала хозяину. На самом Сяо Бае ран вроде не было.

Конечно, мысль получалась немного эгоистичной, но такому маленькому комочку столько крови бы точно не пережить. А вот хозяин, раз стоит перед ним на ногах, значит, всё ещё жив.

Сян Син послушно пошёл следом, обнимая меч.

Цзян Тану казалось, что на этот раз ему точно конец.

О том, что в крови Фу Линцзюня есть яд, в романе действительно писали. Но этот сеттинг всплывал не так уж часто. Да и какой автор станет подробно расписывать навыки антагониста? Потому Цзян Тан, конечно же, в первую секунду об этом не вспомнил. Лишь когда голова закружилась и всё стало совсем плохо, до него дошло.

Неудивительно, что Фу Линцзюнь не давал ему лизать рану.

А-а-а! Так вот оно что. Ну вот, доподлизывался. Говорят же, до добра такое не доводит. Похоже, теперь он и правда увидит перед смертью всю свою жизнь.

Но вместо предсмертного обзора прошлого Цзян Тан во второй раз оказался перед той самой ледяной дверью.

На этот раз он увидел её не взбираясь на дерево с плодами. Теперь дверь возникла в самой глубине пропасти, среди мстительных духов. Он бежал к ней изо всех сил, и на этот раз она будто стала немного ближе. Голос за дверью, вызывающий в душе странную, почти родную дрожь, звучал отчётливее, чем прежде.

— ...ребёнок... наконец... нашёл...

Чувство было странное, трудно объяснимое. Теоретически Цзян Тан не должен был знать языка, на котором это звучало, но почему-то слова, достигавшие его сознания, без всяких преград тут же превращались в понятную ему речь. Совсем не так, как с муравьями или светлячками. Это ощущалось почти как родной язык, до болезненного знакомый.

На этот раз у него хватило терпения. Несколько раз безуспешно попытавшись подойти к двери ближе, он просто сел на месте и стал слушать.

Но голос не звучал непрерывно. Он повторялся урывками. Сколько бы Цзян Тан ни вслушивался, чётко удавалось разобрать лишь что-то вроде «наконец-то добрался, ребёнок». Там вроде ещё звучало какое-то название места, но уловить его он не смог.

Во сне у зверька повисли длинные мягкие уши.

Пока сознание Цзян Тана металось в тумане, ему всё время казалось, будто его кто-то гладит. От ушей до самого основания хвоста — сплошное приятное онемение. То ли он слишком привык жить зверем, но теперь уже начал получать удовольствие от таких поглаживаний. Раньше ему было от этого стыдно и неудобно, теперь же он почти спокойно принимал эту странную сладость.

Потом его куда-то понесли. Он слышал журчание воды, а затем холодный, режущий ветер. Но вскоре ветер исчез, остался только треск горящих дров.

Наконец они остановились. Рука зачерпнула из воды тёплую влагу, и его ухо намокло. Слегка прохладные пальцы принялись усердно тереть его длинное ухо.

Тёрли сильно. Цзян Тану было больно, но проснуться он не мог. Сознание будто заперли в маленькой чёрной комнатке, и выбраться оттуда не получалось никак. Он понимал, что не умер, но невозможность пошевелиться мало чем отличалась от смерти.

Его месили, как тесто, тёрли туда-сюда, снова и снова. Цзян Тан мысленно бесился: да сколько можно? Даже бельё и то так не стирают. Но тот человек всё равно снова и снова драил ему ухо, пока Цзян Тан наконец не разозлился настолько, что выдрал себя из темноты.

Он открыл глаза — и мир сразу поплыл. Белое, чёрное, серое всё смешалось, всё качалось, его мутило. Когда приступ сухой рвоты наконец прошёл, пустой желудок забурчал, и голод обрушился на него, как цунами.

Есть. Очень хочется есть.

Цзян Тана одновременно мутило, кружило и сводило от голода. Лишь спустя долгое время эта дурнота слегка отступила. И тогда он увидел красивую руку.

Руку Фу Линцзюня.

С неё стекала вода, чуть окрашенная в красное. Похоже на кровь.

Оказалось, это Фу Линцзюнь мыл ему уши. Длинные белые уши вчера испачкались его кровью. Когда кровь засохла, отмыть её стало ещё труднее.

— И-у-у...

Это же просто уши, а не бельё! Почему он трёт так, будто стирает тряпку? Уши у него живые, им больно!

Цзян Тан мысленно сыпал ругательствами без остановки. Увидев, что зверёк проснулся, Фу Линцзюнь напоследок ещё раз протёр отмытое ухо и поставил его на землю.

— Иди сюда, — он показал, чтобы тот сделал пару шагов.

Да иди ты сам своей дорогой!

Голова у Цзян Тана была тяжёлая, как после страшного похмелья. Едва его поставили на землю, он тут же уткнулся мордой в пол и больше не шевелился.

Его ткнули в голову.

— Встань, — сказал Фу Линцзюнь.

Цзян Тан чуть с ума не сошёл от злости. Да не может он идти. Совсем не может. Какой же этот человек слепой! Он что, не знает, что в его крови яд? Не знает, как ему сейчас плохо?

Хорошо ещё, что Цзян Тан переродился именно благим зверем. Раз кровь благого зверя снимает любые яды, значит, и само тело у него, вероятно, устойчивее обычного. Иначе от одного только того облизывания он уже десять раз успел бы увидеть владык подземного мира.

Потыкал ещё пару раз, и Фу Линцзюнь, похоже, наконец понял, что до выздоровления зверьку ещё далеко. Он снова поднял его с земли на руки.

Цзян Тан недолго пободрствовал, но голова опять пошла кругом, и он вскоре вновь уснул у него на ладони.

Когда он проснулся в следующий раз, голова уже не так кружилась, зато есть хотелось просто до смерти. Так хотелось, будто он мог проглотить целого быка.

Он выбрался из травяного гнезда и, почуяв запах красных плодов, пошатываясь пошёл к ним. В полусне очистил один, съел, потом второй, потом третий. Только после этого наконец остановился и снова бессильно распластался на земле.

— Сяо Бай, Сяо Бай, — рядом на корточки присел здоровяк.

Голова у Цзян Тана всё ещё была ватной. Он слышал, как тот без конца повторяет его имя, и только спустя долгую паузу смог наконец сообразить, что значит это «Сяо Бай».

Сяо Бай. Ну и примитивная у здоровяка фантазия на имена.

Он ещё долго лежал, пока дурнота немного не отступила.

И тут вдруг вспомнил, как называл его Фу Линцзюнь.

Как там было? Звучало вроде как «тупая собака»... «Тупая собака»...

Тупая собака?

Он что, всё это время звал его «тупой собакой»?!

Да ему даже нормального имени не дали?!

У Цзян Тана перед глазами одна за другой вспыхнули сцены, где он, не понимая смысла, охотно бежал ластиться, тереться, вилять хвостом, кататься по земле и строить милую морду всякий раз, как его звали этой самой «тупой собакой».

Фу Линцзюнь, да ты конченный придурок! Так он всё это время его просто оскорблял! А Цзян Тан-то ещё думал, что у него целых два имени. А по итогу настоящее оказалось только одно! И по сравнению с этим унижительным «тупая собака» имя «Сяо Бай» было просто даром небес.

Вот сам великий демон и есть собака. И вся его семья собаки!

От злости Цзян Тан тут же перестал чувствовать и слабость, и дурноту. Казалось, на одном лишь бешенстве он способен десять раз поколотить Фу Линцзюня.

Подрагивающими лапами он поднялся и, уверенный, что идёт решительно и грозно, заковылял в сторону великого демона. Тот как раз сидел с закрытыми глазами, восстанавливая силы. Самое время для внезапной атаки.

Пушистый комочек, в теле которого ещё не до конца разошёлся яд, шатаясь, кое-как добрался до Фу Линцзюня. Поднял лапу и «изо всех сил» несколько раз махнул ею — даже не задел. Тогда он поднял уже обе лапы, собираясь прыгнуть. Но покачнулся пару раз — и мягко шлёпнулся ничком.

Цзян Тан: а-а-а! Да вставай же! Лучше умереть, чем терпеть такое унижение! Почему ты сейчас настолько бесполезный? Кусай его! Бей!

Внутри он бесился, а тело лежало неподвижно.

Проклятый яд. Теперь он и правда был беспомощной собакой.

Фу Линцзюнь почувствовал, как маленький зверёк шаг за шагом добрался до него и лёг рядом, пока он сам выходил из медитации.

Тот только-только очнулся, был ещё слаб, весь шатался — и всё равно первым делом пришёл к нему.

И правда, очень любит.

Фу Линцзюнь погладил пушистый комочек.

— Ну и прилипала.

Цзян Тан: ...

Это не так, он не такой, пусть не выдумывает! Он вообще-то пришёл кусаться! И как только восстановит силы, обязательно загрызёт этого придурка Фу Линцзюня!

А затем его целиком сгребли на руки и принялись гладить — от длинных ушей до самого кончика хвоста.

— И-нь...

Цзян Тан против воли вильнул хвостом. Ну что за напасть. Это ведь правда было очень приятно.

После отравления несколько дней подряд у него совсем не было сил. Обычно он поднимался только поесть, съедал немного плодов и снова валялся без сил. Но красные плоды ему уже осточертели. Он мечтал о говядине, жареной рыбе, жареной курице, утиной ножке, остром бульоне с бараниной, раках... о чём угодно, только не о плодах. Будь у него сейчас человеческое лицо, оно наверняка уже приняло бы тусклый болезненный оттенок полуголодного страдальца.

Здоровяк... нет, теперь он уже знал его имя. Хотя Цзян Тан и читал роман по диагонали, он всё же помнил, что рядом с великим демоном Фу Линцзюнем есть верный пёс по имени Сян Син — ужас, вселяющий страх во все стороны, несокрушимый, кровожадный, заставляющий младенцев по ночам плакать. Это не выдумки Цзян Тана, это буквально слова из оригинала.

Но при всём желании он не мог понять, какое отношение эти жуткие эпитеты имеют к этому туповатому здоровяку.

Тот был скорее одержимым фанатом чужого поедания и председателем общества по обниманию маленьких зверушек.

Если бы Фу Линцзюнь в последнее время не удерживал Сян Сина подальше, опасаясь, что тот по своей неуклюжести попросту затискает ослабевшего от яда Цзян Тана до смерти, Сян Син, наверное, вообще целыми днями таскал бы его с собой повсюду гулять и играть.

А Цзян Тан как раз очень хотел выйти наружу. Ему не терпелось посмотреть, не проросли ли посаженные косточки. Он же проспал несколько дней — вдруг там уже показались ростки.

Когда мощное тело благого зверя всё-таки частично переварило яд, Цзян Тан смог понемногу ходить. Голова больше не кружилась, тошнить перестало, и зверёк снова выглядел бодрым. Только ноги ещё немного подводили: если пройти слишком далеко, легко можно было шлёпнуться.

Фу Линцзюнь запретил ему бегать где попало, а потому Сян Син не осмеливался выводить его на прогулку. Цзян Тан от злости скрипел зубами, но был слишком труслив, чтобы спорить открыто. Поэтому он выбирал только те моменты, когда Фу Линцзюнь уходил купаться, и тогда начинал уговаривать Сян Сина вывести его.

Вот так однажды его зубы и вцепились в башмак туповатого здоровяка.

— Сяо Бай... не кусай, — Сян Син присел и мягко отодвинул пушистую голову.

Но Цзян Тан не отпускал. Продолжая держать башмак зубами, он тянул в сторону. Конечно, сдвинуть с места Сян Сина он не мог. Он лишь пытался показать, что хочет наружу.

— Хозяин... не велел... Сяо Баю... бегать, — Сян Син обеими руками прижал извивающийся комочек.

— И-у-у-у! — Плевать! Он хочет гулять!

Цзян Тан тёрся о его ноги, скулил без конца, будто вот-вот расплачется.

Сердце Сян Сина тут же растаяло.

Он долго колебался, а потом всё же раскрыл широкую ладонь и посадил туда Цзян Тана.

— Сяо Бай... нельзя... бегать. Сян Син... можно.

После этого он поднялся и, словно уже много раз делал это прежде, понёс Цзян Тана к тому светящемуся дереву, чтобы посмотреть на посаженную косточку.

Цзян Тан просто обалдел. Это что же, тайное неповиновение с виду при полном послушании?

Большой и маленький снова отправились на прогулку. Только вот и в этот раз никакого роста они так и не нашли.

Увидев, как у зверька на ладони уныло повисли мягкие уши, Сян Син поспешно утешил:

— В следующий... раз... посмотрим.

Цзян Тан молча перевернулся у него в руке, выставив вверх подпалённую задницу и спрятав морду.

Из-за дурноты он не мог есть мясо. Посаженная косточка тоже не проросла. Конечно, от такого настроение испортится. Сян Син водил его по всей долине Тяньбэй, а Цзян Тан всё равно оставался мрачным до самого возвращения.

Такое уныние длилось ещё два дня. Когда же Цзян Тан наконец снова смог бегать и прыгать без всякой тошноты, а Фу Линцзюнь тем временем тоже восстановил большую часть духовной силы, всё изменилось.

Повесив за спину меч Шифо, Фу Линцзюнь поднял Цзян Тана из гнезда и велел Сян Сину идти следом.

— И-у-у? — Куда это они?

Великий демон ничего не ответил. Он просто всё шёл и шёл к самому краю. Туда, где дальше уже нельзя было пройти. И тогда в его ладони вспыхнуло громовое пламя, а в следующую секунду он ударил им по прозрачной преграде, окружавшей долину Тяньбэй.

Слабые фиолетовые молнии распустились на его пальцах и стали медленно расползаться вокруг, как пожар по сухой траве. Запечатывающий барьер задрожал, пытаясь остановить его.

Громовое пламя рвало на части эту ослабевшую за тысячелетия печать, пока наконец не распорол в ней дыру.

Цзян Тан любопытно высунул голову из его рук.

— Пойдём.

Сжимая тяжёлый меч, Фу Линцзюнь шагнул за пределы этой запечатанной земли.

— Идём убивать.

<http://bllate.org/book/17032/1600278>